

Оригинальная статья

УДК 343, 316,6

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-1-109-123

О свободе воли, принуждении, манипуляции в философии, психологии и праве: к постановке проблемы

Шевелева Светлана Викторовна

Юго-Западный государственный университет
(Курск, Россия)
decan46@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8358-8924**Шатанкова Елена Николаевна**

Юго-Западный государственный университет
(Курск, Россия)
uridf@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0245-0585

Аннотация

Вопрос свободы воли и противостоящего ей принуждения представляет научный интерес для философов, психологов, юристов. Смежной категорией для принуждения выступает манипуляция, преимущественно получившая научное осмысление либо как средство социального управления в социологии и философии, либо как метод взаимодействия государства и общества в политологии. Юристами данный вопрос исследовался мало. На фоне расширения информационных войн, установления уголовной ответственности за «фейки» в рамках ст. 207¹, 207² УК РФ проблемы понимания указанных категорий приобретают особую актуальность. Целью данного исследования является попытка «имплементирования» достижений в области философии, психологии, политологии в канву современного уголовного права для выработки рабочих формул определения принуждения, манипуляции, ответственности и их соотношения со свободой воли как базовой категорией всех нормативно-правовых актов. Поэтому новизна представленного исследования заключается в самой постановке вопроса.

Методологической основой явились системно-функциональный и экзистенциально-феноменологический методы и метод эксперимента.

Новизна. Через призму соотношения свободы воли, принуждения и манипуляции уголовно-правовые исследования не проводились.

Результаты. Свобода воли в уголовном праве представляет собой возможность выбора варианта поведения, противостоят ей принуждение или манипуляция. Важно понимать, что категории полусвободы в праве быть не может, она констатируется, т. е. выступает некой юридической фикцией, аксиомой, гипотезой. Поэтому акцент сдвигается на установление ответственности, исходя из посыла, что субъект обладал достаточной свободой воли, противостоят которой либо принуждение, либо манипуляция. Последние могут выступать только способом совершения преступления. Принуждение и манипуляция в уголовном праве имеют одинаковые структурные элементы, поэтому анализ в меньшей степени изученного феномена «манипуляция» в уголовном праве построен через сходную категорию «принуждение», имеющую разработанный концептуально-методологический аппарат.

Практическая значимость. Результаты исследования обосновывают новый подход к решению ряда практических проблем, связанных с понятийным аппаратом уголовного закона.

Выводы работы могут стать теоретической основой практической деятельности адвокатов, практикующих «риск-ориентированные подходы» в уголовном праве.

Ключевые слова

свобода воли, принуждение, ответственность, манипуляция, уголовное право

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2020 г. № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюции личности, общества и государства»

Для цитирования: Шевелева, С. В., Шатанкова, Е. Н. (2022). О свободе воли, принуждении, манипуляции в философии, психологии и праве: к постановке проблемы. *Российский девиантологический журнал*, 2(1), 109–123. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-109-123.

Original paper

Svetlana V. Sheveleva

The Southwest State University
(Kursk, Russia)

decan46@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8358-8924

Elena N. Shatankova

The Southwest State University
(Kursk, Russia)

uridf@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0245-0585

On freedom of will, coercion, manipulation in philosophy, psychology and law: towards the formulation of the problem

Abstract

The issue of free will and the violence opposing it is of scientific interest for philosophers, psychologists, lawyers. Manipulation is a category related to violence, and it has mainly deserved a scientific explanation either as a method of social management in sociology and philosophy, or as a method of interaction between the state and society in political science. Lawyers have shown less interest in it. The expansion of «information warfare», the establishment of criminal liability for «fakes» under art. 2071, 2072 of the Criminal Code of the Russian Federation made a legal understanding of these categories particularly relevant. **The purpose** of this study is an attempt to «implement» achievements in the field of philosophy, psychology, political science into the canvas of modern criminal law to develop a functioning definition of the coercion, manipulation, responsibility, and their relationship with free will as the basic category of all normative legal acts. Therefore, the novelty of the presented research lies in the very formulation of the question.

The methodological basis of the research is the system-functional and existential-phenomenological method and the experimental method.

Novelty. Criminal law studies have not been conducted before through the lens of the correlation of free will, coercion and manipulation.

Results. Freedom of will in criminal law is the possibility of choosing a certain behavior, whether coercion or manipulation opposes it. It is important to understand that there can be no categories of semi-freedom in law, free will is postulated, it acts as a kind of legal fiction, axiom, hypothesis. Therefore, the emphasis shifts to the establishment of responsibility, based on the premise that the subject had sufficient free will, which is opposed either by coercion or manipulation. The latter can only act as a way of committing a crime. Coercion and manipulation in criminal law have the same structural elements, therefore, the analysis of the phenomenon of «manipulation» in criminal law is constructed through a similar category of «coercion», which has a developed conceptual and methodological apparatus.

Practical significance. The results of the study offer a new approach to solving a number of practical problems related to the conceptual apparatus of the criminal law.

The conclusions of the work can become a theoretical basis for the practical activities of lawyers practicing «risk-oriented approaches» in criminal law.

Keywords

free will, coercion, responsibility, manipulation, criminal law

Acknowledgements

The publication was prepared as part of the implementation of the state task for 2020 No. 085102020-0033 «Transformation of private and public law in the context of the evolution of the individual, society and the state»

For citation: Sheveleva, S. V., Shatankova, E. N. (2022). On freedom of will, coercion, manipulation in philosophy, psychology and law: towards the formulation of the problem. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(1), 109–123. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-109-123.

Введение

Современные философы утверждают, проблема свободы воли такова, что она не нуждается ни в каком дополнительном обосновании ее актуальности (Беседин, 2019), т. е. с развитием общества растут и угрозы ограничения или подавления такой свободы. Полагаем, стоит признать, что начиная с мыслителей Древней Греции и Древнего Рима и до сегодняшних дней, проблема свободы воли не решена, а данный вопрос можно назвать «принципиально неопределяемым понятием» подобно совести, этике и т. д. В настоящее время существует несколько научных направлений, характеризующих волю как волюнтаризм, волю как свободу выбора, волю как мотивацию, волю как волевую регуляцию.

Условно все исследования в области философии можно разделить на два направления: детерминизма и индетерминизма, которые в свою очередь могут быть разбиты на абсолютные и относительные. Связь относительного детерминизма и относительного индетерминизма является довольно сложной и заключается в приоритете либо внешней среды, либо свободы воли. Например, Гегель писал: «Свободное действие человека является свободным лишь в субъективном его мнении. Т. е. человек уверен, что следует своему личному выбору» (относительный индетерминизм). И далее: «...в результате свободной деятельности свободных людей осуществляется еще нечто более далекое, что хотя и заключено внутренне в этом интересе, однако не заключено в их сознании и в их намерении» (Гегель, 1935) (относительный детерминизм).

Разумеется, не остались в стороне и психологи. Их вывод относительно автономии свободы воли пессимистичен. «Свобода воли – это иллюзия. Мы не творцы своих желаний. Наша свобода мнимая» (Харрис, 2015). «Позитивная физиопсихология совершенно уничтожила веру в свободную волю или в нравственную свободу, доказав, что мы должны рассматривать эту свободу исключительно как обман субъективного психологического наблюдения» (Ферри, 2005, с. 334). Свобода воли ошибочно предполагается потому, что мы не создаем «тех физиологических или психических antecedentov, которые непосредственно обуславливают обсуждение, предшествующее хотению» (Ферри, 2005, с. 339); «...воля человека находится в полной и непрерывной зависимости от органических, а, следовательно, и от психических особенностей его» (Ферри, 2005, с. 342). И далее: «...если человек совершает преступле-

ние не в силу свободного выбора своей воли, а в силу роковой тирании своего ненормального организма и внешней среды, то по какому праву можно его наказывать, можно считать его ответственным за ошибки, которые не принадлежат ему»? В ответ на это как раз и был выдвинут тезис о мерах социальной защиты как совокупности превентивных и репрессивных социальных мер, не зависящих в своем применении от нравственной вины преступника: «За обществом должно быть признано право на самосохранение независимо от нравственной ответственности отдельного лица... Деяния человека могут быть ему вменены и, следовательно, он является ответственным за них, потому что он живет в обществе» (Ферри, 2005, с.400-401).

Методология, методы и материалы исследования

Интересным в этой связи выглядит знаменитый эксперимент Ф. Зимбардо, часто критикуемый с точки зрения этики и научной методологии. Суть эксперимента заключалась в том, что добровольцы были разделены на «тюремщиков» и «заключенных». Инициаторы эксперимента создали максимально приближенные к реальности условия тюрьмы в подвале Стэндфордского университета, начиная от обстановки, заканчивая атрибутикой: палками у охранников, номерами на робах у заключенных. «Тюремщики» должны были поддерживать дисциплину, в том числе пересчитывать «заключенных». Результаты оказались ошеломляющими. За пять дней молодые, психически здоровые ребята, никогда не отличавшиеся тягой к садизму и насилию, устраивали такие изощренные издевательства над «заключенными», что организаторы эксперимента на шестой день вынуждены были вмешаться и остановить эксперимент (Haney et. al., 1973). Ф. Зимбардо причиной такого результата назвал ситуацию, которая подавила нравственные устои участников. Причем эти устои были изменены не только у «охранников», почувствовавших власть над «заключенными». «Заключенные» также изменили траекторию поведения. Переход от одобряемого поведения к совершению злонамеренных действий исследователь назвал «эффектом Люцифера» и описал в одноименной книге (Зимбардо, 2018). На интересующий нас вопрос: может ли личность эффективно противостоять ситуации, т. е. есть ли возможность выбора у личности, Ф. Зимбардо отвечает утвердительно (Зимбардо, 2018) и предлагает «про-

грамму сопротивления нежелательным социальным влияниям» (Будников, 2018).

В другом эксперименте, менее критикуемом в научном сообществе, но также затрагивающем феномен группового конформизма и названном Экспериментом о подчинении, профессор Йельского университета С. Милгрэм, пришел к выводу, что определяющим фактором поведения являются авторитет и склонность подчиняться. Суть данного эксперимента заключалась в следующем: добровольцы тянули жребий на предмет – быть в эксперименте «учеником» или «учителем». Однако по замыслу организаторов они всегда вытягивали билетик «учитель». «Учеником» был актер. «Учитель» находился в отдельной комнате и должен был управлять генератором с переключателями от 15 до 450 вольт. Если «ученик» давал неверный ответ, «учитель» использовал генератор, и чем больше «ученик» давал неверных ответов, тем выше должно было использоваться напряжение. До начала эксперимента эксперты предположили, что не более 3 % участников будут использовать электрический шок с высоким значением. Однако при проведении эксперимента практически все участники использовали рычаг со значением «450». При этом «жертва» (актер) давал понять, что испытывает физические страдания: плакал, просил о помощи, стучал ногами. «Учителя» краснели, тяжело дышали, выказывали нервное напряжение, но продолжали «пытку». При этом никакого принуждения со стороны организаторов не оказывалось. Организатор говорил стандартные фразы: «Пожалуйста, продолжайте», «Важно, чтобы вы продолжали», «Это нужно для эксперимента». Любой участник мог прекратить пытку, но не сделал этого вопреки убеждению, что причинять боль другим – это зло.

Вывод С. Милгрэма заключается в том, что авторитет имеет настолько важное значение, что уравновешенные, взрослые люди готовы зайти крайне далеко в своих поступках и выдвинул две теории: теорию конформизма и теорию субъектности (Milgram, 1963).

Обзор литературы

По мнению Д. Волкова, эксперимент свидетельствует о преобладании силы конформизма и привычки к подчинению над моральными ценностями. На наш взгляд, акцент здесь необходимо сделать на следующем: отдавая свою волю в распоряжение другим и полагая, что не имеет возможности принять решение, участник, таким образом, переносил ответственность на других. Такой вывод коррелирует с данными, полученными П. Хаггардом, который усложнил знаменитые эксперименты М. Милгрэма в желании найти ответ: происходил ли перенос ответственности на того, кто предлагал «нажимать кнопку». «Оказалось, что выполнение приказа действительно снимало ответственность – то есть человек, который его выполнял, склонен был считать,

что “это не он”, что он просто выполняет чужую волю. Косвенно о том же самом говорили и данные ЭЭГ: судя по рисунку электрических ритмов, мозг, получив приказ, не слишком думал о последствиях поступка».

Представленные исследования могли бы привести к оправданно пессимистическому выводу: свобода воли настолько детерминирована внешними обстоятельствами, что ее можно не брать в расчет. Но, если исходить из такого посыла, то поощрение и наказание (в самом общем виде) не нужны. Говоря словами известного нейробиолога Р. Сапольски, «если вы действительно в это верите (отсутствие свободы воли – Прим авт.) – никогда не будет оправдания тому, что вы имеете право на большее, чем другой, и никогда не будет оснований кого-то ненавидеть» (Браницкий, 2022).

”

*Свобода воли является
некой аксиомой для
всех международных и
внутригосударственных
нормативных актов, поэтому
ни одна правовая система, ни
одна идеология не опровергает
свободу личности, внутренней
составляющей которой является
свобода воли.*

“

Задаваясь вопросом, чем является свобода воли – иллюзией или возможностью в философском аспекте, Д. Б. Волков также настаивает на существовании свободы воли, а, следовательно, ответственности. «Отрицание свободы не только безосновательно, но вдобавок плохо влияет на мотивацию людей. Убеждение в отсутствии свободы воли снижает желание прилагать усилия и принимать сложные альтруистические решения. Для многих оно становится универсальным оправданием и поводом к деградации» (Волков, 2018, с. 1). В качестве доказательств он приводит результаты экспериментов К. Вос и Дж. Скулера: подопытным, разделенным на две группы, давали читать книгу Ф. Крика «Удивительная гипотеза: научный поиск души». Одной группе – ту часть книги, где утверждается отсутствие свободы воли, другой – где о свободе воли нет речи. После прочтения участники эксперимента должны

были решать математические задачи, а подсчет результатов провести самостоятельно. В результате больше «правильных» ответов было в той группе, которая прочтала, что свободы воли не существует (Vohs & Schooler, 2008). Подобные эксперименты неединичны, но все они убедительно доказывают, что сама попытка отрицать наличие свободы воли ведет к отрицанию ответственности (Baumeister et al., 2009, с. 260–268; Rigoni et al., 2012, с. 1482–1490).

Результаты исследования

Юристы, подключившиеся к рассуждениям о свободе воли, связывая данную категорию с правом, говорят о свободной воле как об исходной точке. Свобода воли является некой аксиомой для всех международных и внутригосударственных нормативных актов, поэтому ни одна правовая система, ни одна идеология не опровергает свободу личности, внутренней составляющей которой является свобода воли. В Конституции РФ говорится, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», а «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2); «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими» (ст. 18). Эти положения и связанные с ними, закрепленные в главе 2 Конституции Российской Федерации, могут рассматриваться как фиксирующие в конституционном тексте концепцию свободы воли (Зорькин, 2009, с. 8). Представители частно-правовых наук оперируют такими понятиями, как автономия воли, беспрепятственное осуществление субъективных гражданских прав, свобода договора, абсолютное право собственности (Волков, 2010), волеспособность (Сенина, 2006, с. 7). Специалисты публично-правовых наук также задаются вопросами принципа диспозитивности в уголовном праве (Сидоренко, 2013; Сумачев, 2006) и процессе (Дикарев, 2008, с. 74) как мерах правовой свободы частного лица; влияния свободы воли на субъективные признаки состава преступления (Антонова, 2016), а также при анализе деяния как признака объективной стороны (например, «чтобы иметь уголовно-правовой характер, действие должно быть обязательно волевым» (Фильченко, 2012)). Вопрос свободы воли тесно связан с обоснованием наказания и ответственности.

Обсуждение результатов исследования

В огромном массиве современных юридических исследований, так или иначе посвященных свободе воли, как правило презюмируется, что свобода воли есть возможность выбора варианта поведения. Именно такой подход наиболее «удобен» для юриспруденции. Следовательно ответственности подлежит тот, кто имел вариативность своего поведения.

В последнее время среди философов и юристов акцент в вопросе о соотношении свободы воли и ответственности сместился на «первичность» ответственности. Суть заключается в том, что, если лицо (агент) ответственно (может нести ответственность), значит оно свободно. Философы таким образом обосновывают свой подход: ответственность констатируется. Во-первых, причинно-следственная связь между агентом действия, действием и результатом не всегда очевидна, во-вторых, в установлении таких связей определение существенных (принимаемых во внимание) и несущественных аспектов зависит от идеологических предпочтений (Сыров, 2019). М. Смайли полагает, что к таким предпочтениям следует относить представления о конфигурации социальных ролей индивида, а также представления о том, являются или нет причинившие вред частью того сообщества, к которому принадлежит индивид (Smiley, 1992). При этом очевидно, что такие конфигурации имеют динамический характер – в юриспруденции это выражается посредством введения или упразднения деликтов. *При таком подходе свобода воли для ответственности является одним из условий.* Но каковы необходимые условия для ответственности, кроме свободы воли? Д. Б. Волков полагает, что кроме свободы воли для ответственности необходимо действие, сопровождаемое намерением, а само действие должно исходить от конкретного лица. «Связь с другими агентами не подходит для сохранения ответственности» (Волков, 2018, с. 17). По мнению автора, человек может нести ответственность за свой выбор, если не было принуждения, и этот выбор не стал результатом манипуляции (Волков, 2018, с. 19).

В целом признавая такой подход, попытаемся перенести вывод философа на юриспруденцию. Вопрос соотношения свободы воли и принуждения среди юристов является предметом давних дискуссий преимущественно в области уголовно-правовых наук (Хиллута, 2021; Шевелева, 2015). Во-первых, ограничение прав и свобод при реализации уголовно-правовых механизмов по общему правилу является наиболее репрессивным. Во-вторых, хотя уголовное законодательство, в отличие от Гражданского кодекса РФ, не возводит свободу воли в ранг принципов, тем не менее, в ряде своих институтов оно основывается на прямо выраженной антитезе свободы воли и принуждения: институт невменяемости и возрастной невменяемости, где речь идет о возможности лица руководить своими действиями; состояние опьянения, не являющееся препятствием к привлечению к ответственности, т. к. законодатель исходит из посыла, что лицо совершает деяние с требуемой мерой свободы воли, наличие экстремальных условий, влияющих на нервно-психические перегрузки или особое психофизическое состояние, заключающееся в причинах отказа привлечения к ответственности, физическое и психическое принуж-

дение, являющееся обстоятельством, исключаяющим преступность деяния, принуждение как обстоятельство, смягчающее или отягчающее наказание в зависимости от адресата (п. «е», «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ), степень влияния взрослых на совершение преступления или антиобщественных действий несовершеннолетними и др. (Шевелева, 2015).

Коротко авторская позиция в этом вопросе может быть сформулирована следующим образом. Противоположностью свободе воли является принуждение, исходящее либо от людей, либо от обстоятельств, либо от государства. Первое принято именовать преступным принуждением (либо девиантным поведением), второе исходит от сил природы или имеет техногенный характер, третье выражается в мерах юридической ответственности, а точнее, праве государства на наказание.

Право государства на наказание основывается на конституционной обязанности защищать человека и принадлежащие ему права и свободы, и по своей природе относится к числу субъективных публичных прав (Гурин, 2014).

Что касается двух других субъектов принуждения, то, на первый взгляд, можно предположить, что в случае наличия принуждения отсутствует свобода воли, и как следствие, не может наступать ответственность. Однако не все так просто. Принуждение может носить преодолимый и непреодолимый характер, тогда как в юриспруденции во всех случаях нужно четко фиксировать: была свобода воли или нет, – промежуточных состояний, т. е. полусвободы, здесь быть не может. Уголовное право основывается на опровержимой презумпции свободы воли, в соответствии с которой действия человека предполагаются свободными до тех пор, пока не доказано обратное.

Устранение свободы воли через принуждение или иные обстоятельства предполагает исчезновение свободы воли в юридическом смысле этого слова. Это означает, например, что тот, к кому применяют насилие, может и обладать «технически» свободой выбора варианта поведения (не подчиниться угрозе, насилию и претерпеть определенные негативные для себя последствия), однако «юридически» свобода воли исчезает. В некоторых случаях вместе с тем свобода воли исчезает и «юридически», и в реальном значении. Свобода воли и принуждение в уголовном праве являются автономными понятиями, основанными на категориях психологии, но не совпадающими с ними (Шевелева, 2015). Таким образом, акцент смещается на формулирование *ad hoc* четких юридических признаков принуждения и иных обстоятельств, устранивающих свободу воли.

Принуждение обстоятельствами чаще всего не рассматривается через термин «принуждение». Как правило, речь идет о непреодолимой силе, крайней необходимости. Принуждение, исходящее от человека,

юридически фиксируются через такие категории, как насилие, шантаж, угроза, понуждение и смежные понятия. Имеют место и такие способы воздействия на принятие решение (т. е. на свободу воли, если исходить из посыла, что свобода воли есть свобода выбора варианта поведения), как обман, злоупотребление доверием, подкуп, уговор, обещание, призыв, пропаганда. Можно ли такие способы «причислять» к принуждению? *Разграничительная линия, на наш взгляд, здесь проходит на том, что при принуждении человек избирает линию поведения, стремясь избежать для себя и своих близких неблагоприятных (опасных) последствий, либо вообще лишен возможности выбора. Иные способы воздействия можно именовать манипуляцией.*

Данная категория в меньшей степени изучена юристами, тогда как и философы, и психологи давно интересуются указанным феноменом (Gruijters, 2022; Sanak-Kosmowska & Wiktor, 2020).

Полагаем, что для выявления признаков манипуляции необходимо обратиться к существующим подходам, которые сложились в социальной философии, психологии, политологии, т. к. и право в целом, и уголовное право в частности, используя неюридические конструкции, формируют исключительно «рабочие» формулы.

Обращает на себя внимание, что манипуляция в философии, психологии, политологии и лингвистике изучается преимущественно как манипуляция общественным сознанием (Князева, 2011; Навасартян, 2017; Ланге, 2015; Строганов, 2019; Никитская, 2014; Негодаева, 2008).

Платон, не используя данного термина, тем не менее, указывал на некое средство, позволяющее подчинить волю и внушить человеку не только образ мыслей, но и направить его действия по нужному сценарию без физического принуждения (Платон, 2008). Родоначальником создания манипулятивных правил в политике считается Н. Макиавелли. В целях формирования искаженного восприятия он указывал на обязательность соблюдения учтивой и корректной формы для создания видимости устремлений и невозможности изобличения в нечестных намерениях (Барышков, 2010). Впоследствии макиавеллизм рассматривался не как некое направление в политике эпохи Возрождения, а как сущность самой политики, не связанной моральными ограничениями (Князева, 2011). Социолог Л. Уорд, сравнивая манипуляцию с интеллектуальной деятельностью, приходит к выводу, что манипуляция – «злокачественная форма обмана» (Уорд, 2003). По мнению С. Г. Кара-Мурзы, манипуляция – не насилие, но соблазн (Кара-Мурза, 2000). Р. Мэй связывал манипулирование с «сильной волей», стремлением к власти, разделяя ее на внутреннюю и внешнюю (Мэй, 1997). «Манипулирование собой» поддерживал и Э. Шостром: «Вынужденная адаптироваться к социальным и межличностным от-

ношениям, личность одновременно манипулирует как собой, так и другими» (Шостром, 2008), стремясь завоевать для себя определенные блага, ключевое из которых – «скрытое использование и влияние на других людей, контроль над ними» (Шостром, 2008). Современные авторы утверждают: «Манипуляция имеет самое непосредственное отношение к выживанию человека» и является видом безнравственного общения (Юренков, 2013), деструктивного явления (Сиразетдинова, 2016). Некоторые авторы выявляют положительные аспекты манипуляции, давая следующее определение: «Манипуляция сознанием представляет собой целенаправленное скрытое психологическое воздействие, редуцирующее целостность манипулируемого к объекту в целях изменения ценностных установок манипулируемого и одновременно симулирующее его субъектность» (Сиразетдинова, 2016), выделяя следующие признаки: не-

”

*Противоположностью
свободе воли является
принуждение, исходящее
либо от людей, либо от
обстоятельств, либо
от государства.*

“

равенство манипулируемого и манипулирующего при доминировании последнего; ограниченное сохранение субъектности манипулируемого (в отличие от внушаемого, манипулируемый осознает себя субъектом выполняемых действий, сохраняя активность и избирательность); неявный характер воздействия для манипулируемого; смена субъектных представлений (взглядов, намерений, представлений) манипулируемого; отсутствие прогнозирования у манипулируемого необходимости и полезности полученных результатов (Сиразетдинова, 2016). Большинство же современных исследователей манипуляцию оценивают как некую данность, не признавая за ней ни ярко положительной, ни резко отрицательной окраски. А. С. Петракова пишет: «Манипуляция – это процесс скрытого управле-

ния сознанием индивида в целях трансформации его внутренней сущности, духовного состояния, осуществляемой для того, чтобы через формирование определенных ценностных суждений, мнений и установок изменить его поведение в соответствии с планами, замыслами манипулятора, зачастую в ущерб собственным интересам индивида» (Петракова, 2014).

Итак, структурно манипуляция, так же как и принуждение, представляет собой сочетание нескольких элементов. Поэтому их анализ, как представляется, следует строить во взаимосвязи.

Источником принуждения и манипуляции являются внешние факторы: а) воздействие человека и б) воздействие обстоятельств. Второй вид, как правило, принуждением не является, чаще речь идет о силах природы, обстоятельствах техногенного характера. При манипуляциях скорее следует говорить о так называемых манипуляциях массовым сознанием: политические мероприятия, информационные войны, цифровизация общества, реклама, пропаганда. Следовательно, здесь можно отследить первое отличие: обозначенное нами «принуждение обстоятельствами» несет прямой вред охраняемым законами интересам, тогда как манипуляции массовым сознанием не обязательно должны быть нацелены на негативные последствия – например, манипуляции с населением по формированию здорового образа жизни.

Объектом принуждения и манипуляции всегда выступает человек. Как видится, здесь нет принципиальных различий.

Содержание принуждения и манипуляции. Относительно принуждения данный вопрос наиболее часто освещается в литературе и сводится к разновидности физического и психического воздействия. И здесь можно увидеть первое отличие от манипуляции, которая никогда не осуществляется насильственно. Другой, более трудный вопрос: результативность. Сложность заключается в том, что как принуждение, так и манипуляция могут иметь преодолимый характер. Поэтому в каждом конкретном случае ответ будет *ad hoc*, поскольку в различных криминальных контекстах с разной мерой ограничения свободы воли будут связываться различные уголовно-правовые следствия.

Интересен в этой связи смоделированный опыт Д. Перебума. Группа нейроученых вживляет в мозг профессора Плама без его ведома чип, с помощью которого в режиме *on-line* управляет его поведением и направляет приказ убить человека. Очевидно, ответственность профессора Плама в этом случае исключена. Представим, что данный чип действует автономно и заставляет совершить убийство. Вопрос ответственности остается прежним. И далее: а что если аналогичный чип запрограммирован на воспитание, культуру и другие положительные факторы? «Если в случаях с чипами мы снимаем ответственность с Плама, по-

сколькo он не имеет власти над факторами, определяющими его поведение, то и в случае, когда преступника из него делают его окружение или наследственность, мы также должны признать, что он не свободен и не несет моральной ответственности за свое преступление» (Перебум, 2016). Представленная манипуляция сходна с детерминизмом. «Но “нет выбора” и “выбор детерминирован” – это вовсе не одно и то же» (Шаргородский, 2003). На наш взгляд, в приведенном примере акцент надо ставить несколько иначе: если бы не наличие чипа, совершил бы Плам убийство? Только ли манипуляция, осуществляемая с сознанием профессора с помощью чипа, является ключевой причиной совершения поступка? Сам Д. Перебум не дает более подробных характеристик личности вымышленного им профессора Плама. Если исходить из посыла, что за любой негативный результат должна наступить ответственность, то в приведенном примере снятие ответственности с профессора априори возлагает ответственность на нейроученых.

В качестве примера рассмотрим широко известный исторический факт, известный как «Кровавое воскресенье». Манипуляции с народными массами со стороны организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» во главе со священником Г. Гапоном привели к тому, что мирное народное шествие «за помощью к царю» обернулось расстрелом со стороны солдат, охранявших дворец. Гапон и его последователи знали, что мирным шествием не будет, что солдаты будут применять оружие, что будут жертвы. Цель организаторов заключалась в усилении возмущения в обществе, а результатом стала Первая русская революция. Однако ответственность за сотни убитых не была возложена на Гапона. Напротив, лидеры социал-демократов, эсеры наперебой желали включить священника в число единомышленников. Властями Гапон был объявлен в розыск, но не по факту убийства людей, а в связи с революционной деятельностью.

Принципиальная разница между принуждением и манипуляцией то, что при манипулировании другим человеком воздействие осуществляется исключительно ненасильственными способами (о чем уже было сказано), выбор варианта поведения принуждаемым основывается на стремлении избежать негативных последствий, при манипуляции – получить наиболее желаемые результаты. Таким образом, манипуляция в уголовном праве получает свое юридическое выражение в дефинициях «уговор», «обещание», «обман», «склонение», «злоупотребление доверием», «подкуп», «пропаганда».

При принуждении, как и при манипуляции, виновного интересует не человек как таковой, а его поведение: лицо желает направить последнее в нужное русло путем принуждения или манипуляции. Следовательно, принуждение и манипуляция в уго-

ловном праве могут образовывать только способ совершения преступления, но не общественно опасное деяние.

Деяние будет заключаться в требовании (при принуждении), обещании или обмане в широком смысле (при манипуляции) совершить действие или бездействии, выгодное виновному.

Исходя из обозначенных выше подходов определения свободы воли, принуждения применительно к запросам уголовного права, когда требуется рабочая формула и нет практической необходимости рассуждать о полусвободе, следует предположить, что при манипуляции как способе совершения преступления имеют место следующие признаки: скрытый характер для манипулируемого, умышленный характер действий манипулятора, направленный на получение конкретного результата, отсутствие насилия, совершение действий, представляющих интерес для манипулятора, в ущерб интересам манипулируемого.

”

*Принуждение и манипуляция
в уголовном праве могут
образовывать только способ
совершения преступления,
но не общественно опасное
деяние.*

“

Анализ научной литературы, посвященной манипуляции и свободе воли в уголовном праве, показывает, что данный вопрос активно дискутируется с опорой на манипуляции в генетике (Goding & Tranter, 2021; Bowman-Smart, 2021; Balistreri & Hansen, 2019).

В настоящее время действуют принципы проведения генетических исследований и практического использования полученных знаний, сформулированные еще в 1975 г. на Конференции в г. Монтерей (Кулделл и др., 2019), которая была созвана для преодоления моратория на генно-инженерные опыты с людьми. Суть моратория заключалась в том, что даже потенциальный риск служит достаточным основанием для

прекращения экспериментов с ДНК человека (Кулделл и др., 2019). Отчасти данный мораторий был преодолен: ученые отказались от проведения лишь отдельных видов опасных экспериментов, а в процедуре указали на необходимость изоляции биологических агентов в зависимости от уровня риска (Сергеев, 2019). «В ноябре 2018 г. профессор Южного научно-технического университета SUSTech (Шэньчжэнь, КНР) Хэ Цзянькуй (He Jiankui) на II Международном саммите по редактированию генома человека объявил об успехе проведенных его исследовательской группой экспериментов на эмбрионах мышей и обезьян, человеческих эмбриональных стволовых клетках и человеческих эмбрионах в целях направленного выключения гена CCR5» (Сергеев, 2019). Данный ген играет ключевую роль в заражении клеток вирусом иммунодефицита. Суть эксперимента заключалась в том, что вирус не может прикрепиться к Т-клетке. Полагая, что проведенная мутация гена человека безопасна, профессор отредактированный эмбрион имплантировал женщине, и при последующей ее беременности родились девочки-близнецы. Ученые поведение своего коллеги встретили крайне негативно (Alonso & Savulescu, 2021; Swazo, 2020; Mills et al., 2021). Во-первых, формально действия Хэ нельзя оценить как открытие, т.к. такая методика была разработана ранее. Во-вторых, опыт с человеческим эмбрионом показал «крах саморегулирования деятельности ученых»¹. Ученый был привлечен к уголовной ответственности и получил три года лишения свободы и штраф «за нарушение законодательства в области экспериментов над людьми и проведение отдельных работ без лицензии» (Жабина, 2020), а юристы в Китае указали на отсутствие охранительных нормативных актов (Song & Joly, 2021). Данный вопрос нас интересует с позиции уголовно-правовой науки. Дело в том, что по китайским законам для проведения экспериментов с ДНК необходимо согласие совершеннолетнего участника эксперимента, а также одобрение комитета по этике больницы. Учитывая, что ученый сам рассказал о результатах эксперимента, следует полагать, что он не допускал возможности привлечения к уголовной ответственности. В итоге он был признан виновным по ст. 280 УК КНР «Фальсификация документов», т. к. решения комиссии по этике у него не было, получив за это максимальный срок. Следует признать, что даже в китайском уголовном законодательстве отсутствуют нормы о манипуляци-

ях в сфере генной инженерии. При этом общепризнано, что данное государство дальше всех продвинулось в этом вопросе. По заявлению китайских юристов, дело Хэ стало «водоразделом между этическим и юридическим риском в сфере генетических исследований». Правоведы предложили предусмотреть ответственность за «совершение преступлений с использованием новых технологий»². В России гипотетически подобная ситуация некоторыми авторами была оценена по признакам ст. 41 УК РФ как обоснованный риск (Козаченко, 2019), однако в продолжение рассуждений о подвластности генетики уголовному праву, ученый предложил при этом установить уголовную ответственность за «действия, направленные на нелегальное изменение генома либо клонирование человека» (Козаченко, 2019), «за посягательство на генетическое благополучие человека» (Козаченко, 2019) и далее: за «генетические манипуляции» с неосторожной формой вины (Козаченко, 2019).

Отечественные ученые отмечают, что «генетическое здоровье человека» (Ковалев, 1996) находится под угрозой, и даже проведенное ЭКО без согласия женщины с модифицированным эмбрионом не является преступлением. Д. Н. Сергеев полагает, что общественно опасными манипуляции с генами человека можно будет признать тогда, когда участник эксперимента об этом не осведомлен (Сергеев, 2019, с. 10). Полагаем, что эта идея требует уточнения: лицо должно быть не просто осведомлено о производимом эксперименте, но и знать обо всех потенциальных последствиях, которые могут возникнуть в будущем. В настоящее время любые манипуляции, связанные с процессом вмешательства в ДНК человека, не являются предметом регулирования ни одного закона. Лишь Семейный кодекс РФ отчасти определяет общие контуры суррогатного материнства и прав родителей при использовании вспомогательных репродуктивных технологий (п. 4 ст. 51, п. 3, ст. 52). Ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» устанавливает основания применения вспомогательных репродуктивных технологий, регламент которых определен приказом Министерства здравоохранения³. Сфера действия ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» включает отношения в области природопользования, охраны окружающей среды, экологической безопасности и здоровья человека,

¹ Second International Summit on Human Genome Editing: Continuing the Global Discussion Proceedings of a Workshop. P. 2. From <https://www.nap.edu/read/25343/chapter/1> (дата обращения: 25.02.2022).

² 赵汉斌. 面对“科学狂人”, 法律应提前归. From http://www.xinhuanet.com/tech/2018-11/28/c_1123777358.htm (дата обращения: 25.02.2022)

³ Приказ Минздрава России от 31.07.2020 N 803н "О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению" (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 N 60457) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 19.10.2020

генодиагностику и генотерапию⁴. Государственная геномная регистрация носит добровольный характер для всех граждан, кроме осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, неустановленных лиц в рамках проведения следственных действий и неопознанных трупов (ст. 7 ФЗ № 242-ФЗ⁵). За нарушение правил получения, учета, хранения, использования, передачи и уничтожения биологического материала и обработки геномной информации для должностных лиц установлена ответственность (ч. 3 ст. 10 ФЗ № 242-ФЗ) вплоть до уголовной. Отдельные авторы склонны полагать, что квалификация может осуществляться по ст. 167, 168, 272, 274, 293, 307 УК РФ (Алексеев и др., 2016), с чем сложно согласиться. Данной информацией могут распоряжаться только правоохранительные органы в рамках уголовного процесса (ст. 15 ФЗ № 242-ФЗ).

Полагаем, «слово» за уголовным правом должно возникнуть после решения данного вопроса в рамках регулятивного законодательства. В то же время действующий сегодня ФЗ №54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» декларирует наличие ответственности за клонирование человека, и поэтому заслуживает поддержки мнение российских ученых, основанное на зарубежном нормотворческом опыте⁶, о необходимости введения нормы, касающейся генетических манипуляций в части клонирования человека (Капинус, Додонов, 2008). По прогнозам криминологов, к 2025 г. мы вплотную подойдем к созданию бионических роботов, «что в сочетании с технологиями клонирования может привести к появлению квазичеловеческих существ с неопределенным правовым

статусом и неограниченными возможностями по их неправомерному использованию» (Козаев, 2017).

Выводы

Итак, манипуляцию следует рассматривать как один из способов преступного поведения. Учитывая, что во многом структурные элементы манипуляции и принуждения совпадают, на теоретическом уровне возможны проекции юридических конструкций принуждения на указанный феномен. Представленное исследование может послужить началом дискуссии о фиксации понятия «манипуляция» в юридических науках.

Подводя итог, хотелось бы обозначить следующее. Как писал М. Ансель, «после нескольких веков борьбы мнений понятие преступной воли, *mens rea*, столь же неопределенно, как и во времена Цицерона» (Ансель, 1970), и мы полагаем, что следует исходить из фикции, что свобода воли есть, а возможность привлечения к ответственности создает это чувство свободы. Такую позицию можно обозначить агностицизмом, одним из пионеров которого является А. Принс, справедливо отмечавший: «В сущности, когда совершено какое-либо действие, самое полезное, кажется мне, не разбирать, является ли способ его совершения убедительным.... Важным представляется констатировать, принесло ли данное действие пользу или вред обществу, и дать нам возможность воспользоваться добытым благом в первом случае и защититься от зла во втором» (Принс, 1912). Иными словами, для уголовного права свобода воли может быть охарактеризована как гипотеза, фикция, аксиома, т. е. она констатирует ее наличие, и только обратное, т. е. принуждение или манипуляция, исключает свободу воли.

Список литературы

- Алексеев, М. В., Бойцов, А. С., Васильченко, Ю. В., Григорьев и др. (2016). *Комментарий к Федеральному закону от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (постатейный)* (отв. ред. Е.Н. Холопова).
- Ансель, М. (1970). *Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике)*. Москва: Прогресс.
- Антонова, Е. Ю. (2016). Свобода воли и её влияние на субъективную сторону состава преступления. *Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права*, 2(82), 62-67.
- Барышков, В. П. (2010). Макиавеллизм и стратагемность как способы политической и повседневной деятельности. *Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология*, 1.

⁴ Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности" // Российская газета. № 130. 12.07.1996.

⁵ Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ (с изм. от 17.12.2009) "О государственной геномной регистрации в Российской Федерации" // Российская газета. № 251. 09.12.2008.

⁶ Уголовная ответственность за клонирование человека установлена в США (1980 г.), ФРГ (1990 г.), Испании (1995 г.), Сальвадора (1997 г.), Колумбии (2000 г.), Японии (но с оговоркой о возможности законных фундаментальных исследованиях) (2000 г.), Великобритании (2001 г.), Эстонии (2001 г.), Швеции (2002 г.), Мексики (федеральный округ) (2002 г.), Молдовы (2002 г.), Словакии (2003 г.), Румынии (2004 г.), Франции (2004 г.) и др.

- Беседин, А. П. (2019). Свобода воли Дмитрия Волкова. Рецензия на книгу Дмитрия Волкова «Свобода воли. Иллюзия или возможность». *Финиковый Компот*, 14.
- Браницкий, И. (2022). *Свободы воли не существует»: автор «Биологии добра и зла» Роберт Сапольски — о вакцине от стресса, петле деградации и природе диктаторов*. Получено из <https://www.forbes.ru> (дата обращения 17.02.2022).
- Будников, М. Ю. (2018). Хранитель времени: к 85-летию Филипа Зимбардо. *Медицинская психология в России*, 2(49).
- Волков, А. В. (2010). Свобода воли в гражданском праве. *ЮП*, 5.
- Волков, Д. (2018). *Свобода воли. Иллюзия или возможность*. Москва: Карьера Пресс.
- Гегель, Г. В. Ф. (1935). *Собрание сочинений в 14-ти томах*. Москва, Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство (Соцэкгиз), Т. 8. *Философия истории*.
- Гурин, Д. В. (2014). Право государства на уголовное наказание: субъективное содержание и формы объективации. *Библиотека криминалиста. Научный журнал*, 6, 32-52.
- Дикарев, И. С. (2008). Принцип диспозитивности в уголовном процессе России. *Журнал российского права*, 6, 74-80.
- Жабина, А. (2020). Атака клонов: от экспериментов к бизнесу. *Эксперт*, 11 (1155), 60-61.
- Зимбардо, Ф. (2018). *Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев*. Москва: Альпина но-фикш.
- Зорькин, В. Д. (2009). Права человека в контексте глобальной юриспруденции. *Журнал конституционного правосудия*, 2, 8-12.
- Капинус, О. С., Додонов, В. Н. (2008). Ответственность за клонирование человека в современном уголовном праве *Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: сборник статей* (стр. 147 – 159). Москва: Буквевед.
- Кара-Мурза, С. Г. (2000). *Манипуляция сознанием* (стр. 14-16). Москва: Алгоритм.
- Князева, И. В. (2011). *Манипуляция общественным сознанием: сущность, исторические формы, трансформация: социально-философский анализ: дис. ... канд. философ. наук*. Воронеж.
- Ковалев, М. И. (1996). *Правовые проблемы защиты жизни, здоровья и генетического достоинства человека*. Екатеринбург: УрГЮА.
- Козаев, Н. Ш. (2017). Международные стандарты применения современных биотехнологий и их влияние на уголовное право России. *Юридический вестник ДГУ*, 22, 2, 71-75. doi: 10.21779/2224-0241-2017-22-2-71-75
- Козаченко, И. Я. (2019). Подвластно ли уголовное право генетике? (непростые ответы на сложные вопросы). *Вестник Кузбасского института*, 3(40), 29-41.
- Красавчиков, О. А. (1970). Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании. *Советское государство и право*, 1, 62-68.
- Кулделл, Н., Бернштейн, Р., Ингрэм, К., Харт, К. М. (2019). *На пути к синтетической биологии*. ДМК Пресс.
- Ланге, О. В. (2015). *Современные манипулятивные технологии: вопросы теории и методологии: дис. ... канд. полит. наук*. Санкт-Петербург.
- Мэй, Р. (1997). *Любовь и воля*. Москва.
- Навасартян, Л. Г. (2017). *Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): дис. ...канд. филолог. наук*. Саратов.
- Негодаева, О. Б. (2008). *Манипуляция сознанием как фактор риска в российском обществе: дис. ... канд. философ. наук*. Ростов-на-Дону.
- Платон (2008). *Диалоги*. Книга вторая (пер. В.Н. Карпов). Москва: Азбука-классика.
- Никитская, Н. С. (2014). *Манипулятивные стратегии в современной российской бизнес-среде (на примере малого бизнеса): дис. ... канд. психол. наук*. Ярославль.
- Перебум, Д. (2016). Оптимистичный скептицизм относительно свободы воли. *Логос*, 5, 59–99.
- Петракова, А. С. (2014). *Социально-философский анализ трансформации сознания личности средствами манипулятивного воздействия: автореф. дис. ... канд. философ. наук*. Краснодар.
- Политова, И. П. (2014). *Категория воли в гражданском праве России: автореф. дис.... канд. юрид. наук*. Москва.
- Принс, А. (1912). *Защита общества и преобразование уголовного права* (пер. с фр. Е. Маркеловой; под ред. и с предисл. Г.С. Фельдштейна). Москва.
- Сенина, Ю. Л. (2006). *Категория воли в гражданском праве России (в аспекте гражданско-правовой сделки: дис. ... канд. юрид. наук*. Томск.
- Сергеев, Д. Н. (2019). Ответственность за манипуляции с геномом человека (дело Хэ Цзянькуя). *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*, 5, 5-13.
- Сидоренко, Э. Л. (2013). *Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук*. Москва.
- Сиразетдинова, М. Ф. (2016). *Манипуляция сознанием: социально-философский анализ: автореф. дис. ...канд. философ. наук*. Уфа.

- Стасевич, К. Почему мы убиваем по приказу. *Наука и жизнь*. (22.02.2016). Получено из <https://www.nkj.ru/news/28223/> (дата обращения 17.02.2022)
- Строганов, В. Б. (2019). *Технологии политической манипуляции в интернете*: дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург.
- Сумачев, А. В. (2006). *Диспозитивность в уголовном праве: теоретико-прикладной анализ*: автореф. ... дис. докт. юрид. наук. Екатеринбург.
- Сыров, В. Н. (2019). Дискуссия о свободе воли и моральной ответственности: где перспективы? *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 51, 88-97. doi: 10.17223/1998863X/51/9
- Сундурова, Ф. Р., Тарханова, И. А. (2009). *Уголовное право России. Общая часть* (3-е изд., перераб. и доп.). Москва.
- Уорд, Л. (2003). *Психические факторы цивилизации*. Санкт-Петербург: Питер.
- Ферри, Э. (2005). *Уголовная социология* (сост. и предисл. В. С. Овчинского). Москва.
- Фильченко, А. П. (2012). Философско-юридические основания определения момента возникновения отношения уголовной ответственности. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 11(2), 185-187.
- Харрис, С. (2015). *Свобода воли, которой не существует*. Москва: Альпина Паблишер.
- Хиллота, В. В. (2021). Свобода воли и уголовная ответственность в фокусе новых открытий нейробиологии. *Право.ру*, 6(74), 45-51.
- Шаргородский, М. Д. (2003). *Избранные работы по уголовному праву* (сост. и предисл. Б.В. Волженкина). Санкт-Петербург.
- Шевелева, С. В. (2015). Свобода воли и принуждение в уголовном праве: дис. ... докт. юрид. наук. Курск.
- Шостром, Э. (2008). *Человек манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации*. Москва: Изд-во Института Психотерапии.
- Юренков, В. В. (2013). Манипуляция как социально-философское явление. *Теория и практика общественного развития*, 4.
- Alonso, M., Savulescu, J. (2021). He Jiankui's gene-editing experiment and the non-identity problem. *Bioethics*, 35(6), 563-573.
- Balistreri, M., Hansen, S. L. (2019). Moral and Fictional Discourses on Assisted Reproductive Technologies: Current Responses, Future Scenarios. *NanoEthics*, 13(3), 199-207.
- Baumeister, R. F., Masicampo, E. J., Dewall, C. N. (2009). Prosocial Benefits of Feeling Free: Disbelief in Free Will Increases Aggression and Reduces Helpfulness. *Personality & Social Psychology Bulletin*, 35(2), 260-268.
- Bowman-Smart, H. (2021). Orphans By Design: The Future Of Genetic Parenthood. *Bioethics*, 35(1), 23-30.
- Goding, V., Tranter, K. (2021). 'The machine runs itself': law is technology and Australian embryo and human cloning law. *Griffith Law Review*, 30(2), 240-269.
- Gruijters, S. L. K. (2022). Making inferential leaps: Manipulation checks and the road towards strong inference. *Journal of Experimental Social Psychology*, 98, 104251.
- Haney, C., Banks C., Zimbardo, P. (1973). A study of prisoners and guards in a simulated prison. *Naval Research Review*, 9, 1-17.
- Milgram, S. (1963). Behavioral Study of Obedience. *Journal of Abnormal and Social Psychology[en]*, 67, 371-376.
- Mills, P., Chen, Q., Ma, Y. et al. (2021). Making sense of it all: Ethical reflections on the conditions surrounding the first genome-edited babies. *Wellcome Open Research*, 5, 216.
- Rigoni, D., Kühn, S. et al. (2012). Reducing Self-Control by Weakening Belief in Free Will. *Consciousness and Cognition*, 21, 1482-1490.
- Sanak-Kosmowska, K., Wiktor, J. W. (2020). Empirical identification of latent classes in the assessment of information asymmetry and manipulation in online advertising. *Sustainability (Switzerland)*, 12(20), 8693, 1-17.
- Smiley, M. (1992). Moral responsibility and the boundaries of community: power and accountability from a pragmatic point of view. *The University of Chicago*, 256.
- Song, L., Joly, Y., (2021). After He Jianku: China's biotechnology regulation reforms. *Medical Law International*, 21(2), 174-192.
- Swazo, N. K. (2020). Doing wrong to 'lulu' and 'nana'? Applying parfit to the he jiankui experiment. *International Journal of Applied Philosophy*, 34(1), 157-170.
- Vohs, K., Schooler, J. (2008). The Value of Believing in Free Will: Encouraging a Belief in Determinism Increases Cheating. *Psychological Science*, 19(1), 49-54.

Reference

- Alekseev, M. V., Bojcov, A. S., Vasil'chenko, Yu. V., Grigor'ev i dr. (2016). *Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 3 dekabrya 2008 g. N 242-FZ "O gosudarstvennoj genomnoj registracii v Rossijskoj Federacii"* (postatejnyj) (otv. red. E.N. Holopova).
- Ansel', M. (1970). *Novaya social'naya zashchita (gumanisticheskoe dvizhenie v ugovolnoj politike)*. Moscow: Progress.
- Antonova, E. Yu. (2016). Svoboda voli i eyo vliyanie na sub'ektivnyuyu storonu sostava prestupleniya. *Vestnik Habarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2(82), 62-67.
- Baryshkov, V. P. (2010). Makiavellizm i stratagemnost' kak sposoby politicheskoy i povsednevnoj deyatel'nosti. *Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Sociologiya. Politologiya*, 1.
- Besedin, A. P. (2019). Svoboda voli Dmitriya Volkova. Recenziya na knigu Dmitriya Volkova «Svoboda voli. Illyuziya ili vozmozhnost'». *Finikovyy Kompot*, 14.
- Branickij, I. (2022). *Svobody voli ne sushchestvuet»: avtor «Biologii dobra i zla» Robert Sapolski — o vakcine ot stressa, petle degradacii i prirode diktatorov*. Polucheno iz <https://www.forbes.ru> (data obrashcheniya 17.02.2022).
- Budnikov, M. Yu. (2018). Hranitel' vremeni: k 85-letiyu Filipa Zimbardo. *Medicinskaya psihologiya v Rossii*, 2(49).
- Volkov, A. V. (2010). Svoboda voli v grazhdanskom prave. *YUP*, 5.
- Volkov, D. (2018). *Svoboda voli. Illyuziya ili vozmozhnost'*. Moscow: Kar'era Press.
- Gegel', G. V. F. (1935). *Sobranie sochinenij v 14-ti tomah*. Moskva, Leningrad: Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo (Socekgiz), T.8. *Filosofiya istorii*.
- Gurin, D. V. (2014). Pravo gosudarstva na ugovolnoe nakazanie: sub'ektivnoe sodержanie i formy ob'ektivacii. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal*, 6, 32-52.
- Dikarev, I. S. (2008). Princip dispozitivnosti v ugovolnom processe Rossii. *Zhurnal rossijskogo prava*, 6, 74-80.
- Zhabina, A. (2020). Ataka klonov: ot eksperimentov k biznesu. *Ekspert*, 11 (1155), 60-61.
- Zimbardo, F. (2018). *Effekt Lyucifera. Pochemu horoshie lyudi prevrashchayutsya v zlodeev*. Moscow: Al'pina no-fiksh.
- Zor'kin, V. D. (2009). Prava cheloveka v kontekste global'noj yurisprudencii. *Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya*, 2, 8-12.
- Kapinus, O. S., Dodonov, V. N. (2008). *Otvetstvennost' za klonirovanie cheloveka v sovremenom ugovolnom prave Sovremennoe ugovolnoe pravo v Rossii i za rubezhom: nekotorye problemy otvetstvennosti: sbornik statej* (str. 147 – 159). Moscow: Bukvoed.
- Kara-Murza, S. G. (2000). *Manipulyaciya soznaniem* (str. 14-16). Moscow: Algoritm.
- Knyazeva, I. V. (2011). *Manipulyaciya obshchestvennym soznaniem: sushchnost', istoricheskie formy, transformaciya: social'no-filosofskij analiz: dis. ... kand. filosof. nauk*. Voronezh.
- Kovalev, M. I. (1996). *Pravovye problemy zashchity zhizni, zdorov'ya i geneticheskogo dostoinstva cheloveka*. Ekaterinburg: UrGYUA.
- Kozaev, N. Sh. (2017). Mezhdunarodnye standarty primeneniya sovremennyh biotekhnologij i ih vliyanie na ugovolnoe pravo Rossii. *Yuridicheskij vestnik DGU*, 22, 2, 71-75. doi: 10.21779/2224-0241-2017-22-2-71-75
- Kozachenko, I. Ya. (2019). Podvlastno li ugovolnoe pravo genetike? (neprostye otvety na slozhnye voprosy). *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 3(40), 29-41.
- Krasavchikov, O. A. (1970). Dispozitivnost' v grazhdansko-pravovom regulirovanii. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1, 62-68.
- Kuldell, N., Bernshtejn, R., Ingrem, K., Hart, K. M. (2019). *Na puti k sinteticheskoy biologii*. DMK Press.
- Lange, O. V. (2015). *Sovremennye manipulyativnye tekhnologii: voprosy teorii i metodologii: dis. ... kand. polit. nauk*. Saint Petersburg.
- Mej, R. (1997). *Lyubov' i volya*. Moscow.
- Navasartyan, L. G. (2017). *Yazykovye sredstva i rechevye priemy manipulyacii informaciej v SMI (na materiale rossijskih gazet): dis. ...kand. filolog. nauk*. Saratov.
- Negodaeva, O. B. (2008). *Manipulyaciya soznaniem kak faktor riska v rossijskom obshchestve: dis. ... kand. filosof. nauk*. Rostov-na-Donu.
- Platon (2008). *Dialogi*. Kniga vtoraya (per. V.N. Karpov). Moscow: Azbuka-klassika.
- Nikitskaya, N. S. (2014). *Manipulyativnye strategii v sovremennoj rossijskoj biznes-srede (na primere malogo biznesa): dis. ... kand. psihol. nauk*. Yaroslavl'.
- Perebum, D. (2016). Optimistichnyj skepticizm otnositel'no svobody voli. *Logos*, 5, 59–99.
- Petrakova, A. S. (2014). *Social'no-filosofskij analiz transformacii soznaniya lichnosti sredstvami manipulyativnogo vozdeystviya: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk*. Krasnodar.
- Politova, I. P. (2014). *Kategoriya voli v grazhdanskom prave Rossii: avtoref. dis.... kand. jurid. nauk*. Moscow.
- Prins, A. (1912). *Zashchita obshchestva i preobrazovanie ugovolnogo prava* (per. s fr. E. Markelovoj; pod red. i s predisl. G.S. Fel'dshtejna). Moscow.

- Senina, Yu. L. (2006). *Kategoriya voli v grazhdanskom prave Rossii (v aspekte grazhdansko-pravovoj sdelki: dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk.*
- Sergeev, D. N. (2019). Otvetstvennost' za manipulyatsii s genomom cheloveka (delo He Czyan'kuya). *Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu*, 5, 5-13.
- Sidorenko, E. L. (2013). *Dispozitivnost' kak rezhim ugovolno-pravovogo regulirovaniya: dis. ... d-ra. yurid. nauk. Moskow.*
- Sirazetdinova, M. F. (2016). *Manipulyatsiya soznaniem: social'no-filosofskij analiz: avtoref. dis. ...kand. filosof. nauk. Ufa.*
- Stasevich, K. Pochemu my ubivaem po prikazu. *Nauka i zhizn'*. (22.02.2016). Polucheno iz <https://www.nkj.ru/news/28223/> (data obrashcheniya 17.02.2022)
- Stroganov, V. B. (2019). *Tekhnologii politicheskoy manipulyatsii v internete: dis. ... kand. polit. nauk. Ekaterinburg.*
- Sumachev, A. V. (2006). *Dispozitivnost' v ugovolnom prave: teoretiko-prikladnoj analiz: avtoref. ... dis. dokt. yurid. nauk. Ekaterinburg.*
- Syrov, V. N. (2019). Diskussiya o svobode voli i moral'noj otvetstvennosti: gde perspektivy? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 51, 88-97. doi: 10.17223/1998863X/51/9
- Sundurova, F. R., Tarhanova, I. A. (2009). *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast' (3-e izd., pererab. i dop.). Moskow.*
- Uord, L. (2003). *Psihicheskie faktory civilizatsii. Saint Petersburg: Piter.*
- Ferri, E. (2005). *Ugolovnaya sociologiya (sost. i predisl. V. S. Ovchinskogo). Moskow.*
- Fil'chenko, A. P. (2012). Filosofsko-yuridicheskie osnovaniya opredeleniya momenta vozniknoveniya otnosheniya ugovolnoj otvetstvennosti. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 11(2), 185-187.
- Harris, S. (2015). *Svoboda voli, kotoroj ne sushchestvuet. Moskow: Al'pina Publisher.*
- Hilyuta, V. V. (2021). Svoboda voli i ugovolnaya otvetstvennost' v fokuse novykh otkrytij nejrobiologii. *Pravo.by*, 6(74), 45-51.
- Shargorodskij, M. D. (2003). *Izbrannye raboty po ugovolnomu pravu (sost. i predisl. B.V. Volzhenkina). Saint Petersburg.*
- Sheveleva, S. V. (2015). *Svoboda voli i prinuzhdenie v ugovolnom prave: dis. ... dokt. yurid. nauk. Kursk.*
- Shostrom, E. (2008). *Chelovek manipulyator. Vnutrennee puteshestvie ot manipulyatsii k aktualizatsii. Moskow: Izd-vo Instituta Psihoterapii.*
- Yurenkov, V. V. (2013). Manipulyatsiya kak social'no-filosofskoe yavlenie. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 4.
- Alonso, M., Savulescu, J. (2021). He Jiankui's gene-editing experiment and the non-identity problem. *Bioethics*, 35(6), 563-573.
- Balistreri, M., Hansen, S. L. (2019). Moral and Fictional Discourses on Assisted Reproductive Technologies: Current Responses, Future Scenarios. *NanoEthics*, 13(3), 199-207.
- Baumeister, R. F., Masicampo, E. J., Dewall, C. N. (2009). Prosocial Benefits of Feeling Free: Disbelief in Free Will Increases Aggression and Reduces Helpfulness. *Personality & Social Psychology Bulletin*, 35(2), 260-268.
- Bowman-Smart, H. (2021). Orphans By Design: The Future Of Genetic Parenthood. *Bioethics*, 35(1), 23-30.
- Goding, V., Tranter, K. (2021). 'The machine runs itself': law is technology and Australian embryo and human cloning law. *Griffith Law Review*, 30(2), 240-269.
- Gruijters, S. L. K. (2022). Making inferential leaps: Manipulation checks and the road towards strong inference. *Journal of Experimental Social Psychology*, 98, 104251.
- Haney, C., Banks C., Zimbardo, P. (1973). A study of prisoners and guards in a simulated prison. *Naval Research Review*, 9, 1-17.
- Milgram, S. (1963). Behavioral Study of Obedience. *Journal of Abnormal and Social Psychology[en]*, 67, 371-376.
- Mills, P., Chen, Q., Ma, Y. et al. (2021). Making sense of it all: Ethical reflections on the conditions surrounding the first genome-edited babies. *Wellcome Open Research*, 5, 216.
- Rigoni, D., Kühn, S. et al. (2012). Reducing Self-Control by Weakening Belief in Free Will. *Consciousness and Cognition*, 21, 1482-1490.
- Sanak-Kosmowska, K., Wiktor, J. W. (2020). Empirical identification of latent classes in the assessment of information asymmetry and manipulation in online advertising. *Sustainability (Switzerland)*, 12(20), 8693, 1-17.
- Smiley, M. (1992). Moral responsibility and the boundaries of community: power and accountability from a pragmatic point of view. *The University of Chicago*, 256.
- Song, L., Joly, Y., (2021). After He Jianku: China's biotechnology regulation reforms. *Medical Law International*, 21(2), 174-192.
- Swazo, N. K. (2020). Doing wrong to 'lulu' and 'nana'? Applying parfit to the he jiankui experiment. *International Journal of Applied Philosophy*, 34(1), 157-170.
- Vohs, K., Schooler, J. (2008). The Value of Believing in Free Will: Encouraging a Belief in Determinism Increases Cheating. *Psychological Science*, 19(1), 49-54.

Информация об авторах:

Шевелева Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Юго-Западного государственного университета.

Шатанкова Елена Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 07.03.2022

Одобрена после рецензирования 13.04.2022

Опубликована 29.04.2022

About the authors:

Svetlana V. Sheveleva – Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law of the Southwest State University.

Elena N. Shatankova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Southwest State University.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted March 07, 2022

Approved after reviewing April 13, 2022

Accepted April 29, 2022